

184
А. КРУЧЕНЬХ.

ДЕФ

ОГИТИИ
ПИПИИ

МАЯКОВСКОГО

АСЕЕВА

ТРЕТЬЯКОВА

МОСКВА-1925

412.97/16°

ОУК

4-й фл.

891.7-1 : 347 (02)

ЛЕФ АГИТКИ

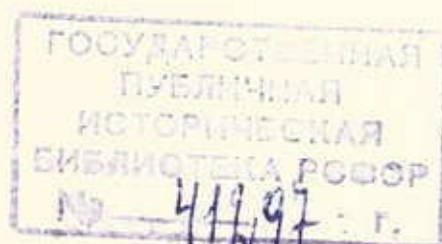
МАЯКОВСКОГО
А СЕЕВА
ТРЕТЬЯКОВА

Агит-заметки А. Крученых.

Обложка В. Нулагиной-Клуцис.

Издание Всероссийского Союза Поэтов.
МОСКВА — 1925 г.

Тип. ЦИТ, Петровка, 24.

Главлит (Москва) № 29591.

Тираж 3000 экз.

Леф - агитки.

Лефом недаром называется левый фронт искусства: в него входят многие отряды — поэты, художники, беллетристы, теоретики и проч.

Каждая из этих частей владеет разными видами оружия, так, напр., среди поэтов имеются: 1) специалисты лабораторники, готовящие модели слова, 2) поэты «будовитые», пишущие главным образом для завтрашнего дня и есть, наконец, 3) агитаторы и плакатисты, работающие на злобу дня.

В настоящей книге собрано лучшее, что сделано поэтами Лефа для злободневной и широкой агитации.

Чем отличается эта работа от других поэтических работ?

Главным образом своим заданием: воздействовать на **возможно большее число слушателей.**

Агитка на политические темы и на хозяйственно-экономические (в этом случае она чаще называется рекламой), — не ограничивается воздействием на известную группу людей (чем вполне может удовлетвориться, напр., специально-ученый труд или иная мудреная лирическая поэма), или даже воздействием на определенный класс, а стремится захватить «в сферу своего влияния» весь народ, всю страну, а то и весь мир.

Ясно, что в этом случае агитка должна быть во-первых: очень популярной, общедоступной по мысли и

языку, по форме, а во-вторых — **очень художественной и оригинальной**. Если она не выполнит второго условия, то воздействие ее ограничится только примитивными массами, минуя высоко-культурные и квалифицированные, а, что самое главное, и среди простых слоев скоро улетучится и забудется.

Я приведу здесь пример того, как поэты Леф'а выполнили первое условие — общедоступность агитки. В этом случае важно себе представить главную (по количеству) массу, для которой пишется агитка.

Товарищ Я. Шафир в книге «Газета и деревня» так рисует массового крестьянина-читателя:

«Нас человек 15. Отправляемся в столовую. Даю читать первому Михаилу Осташеву (в «Нашей газете» № 60) небольшую заметку «Наглость убийц». Небольшая справка: Осташеву 19 лет, 1½ года в Борисоглебской гимназии учился, читает с трудом.

Затруднения начинаются с заголовка. Я спрашиваю: — Что такое «наглость убийц»?

В разрешении вопроса принимают участие все, повторяя задумчиво: «наглость убийц», «наглость убийц»...

Наконец, вопрос разрешает Михаил Дедов (20 лет, окончил сельскую школу):

Это значит — совсем убили, а не так ранили там или как...

... Не понимают: «предостерегает от последствий его поведения» (каждое слово в отдельности понимают) не знают, что такое «Грузия».

Всезнайка Пискунов разъясняет:

Это автономная такая.

В этом же номере помещено стихотворение Маяковского: «Крестьяне, собственной выгоды ради, поймите — дело не в обряде».

Даю это читать Дедову и Ивану Коротких. К моему изумлению, они Маяковского понимают.

Я спрашиваю, что значит — «В мозгах вывих?»

Ответ—«В роде дурака...»

Эта агитка вошла в брошюру Маяковского «Обряды» (Изд. «Красная Новь», 1923 г.).

К сожалению, в издание вкралась, по вине наборщика, ошибка: «на протяжении всего двух страниц все имена перепутаны—страдает Ваня, а вешается Петр». («Леф» № 4). Перепутаны еще Спиридон и Сапрон, и «окружили» вместо «окрутили».

Привожу эту агитку целиком, выправив указанные опечатки, а также сделав другие необходимые корректурные исправления, главным образом в знаках препинания.

Крестьяне,

собственной выгоды ради

поймите,

дело не в обряде.

Известно,

у глупого человека

в мозгах вывих—

чуть что,

зовет долгогривых.

Думает,

если пону

как следует дать,

сейчас же

на крестьянина

спускается благодать.

Эй, мужики!

эй, бабы!

в удивлении разиньте рот—

Убедится

даже тот,

кто мозгами слабый,

что дело—

наоборот.

Жила-была

Анюта красавица,

красавице

красавец Ваня правится,

Но папаша Анютки

говорит:

«Дудки!»

Да и мать Анютина

глядит крокодилицей.

Словом,

кадилу в церквах не кадилиться,

Свадьбе не бывать:

Хоть Анюта и хороша

И Ваня не плох,

да за душой—

ни гроша.

Ждут родители,

на примете у них,—

Спиридон жених.

Хоть Спиридону

шестьдесят с хвостом,

да в кубышке

миллиардов сто.

Словом,

не слушая Анютиного воя,

Окрутили Анютку у аналая

И пошел у них
«законный брак»,
избу
разрывает от визга и драк.
Хоть и крест целовали, на попа глядя,
хоть кружилась
по церкви
в православном обряде,
Да Спиридону,
злая со дня на-день,
рвет
жена
волосенок пряди.
Да и Анюту
Спиридон
измочалил в лоскут,
вырывает косу—
ежеминутно по волоску.
То муж хлоп,
то жена хлоп.
Через месяц,
каждый,
как свечка тонкий.
А через год
легли супруги в гроб:
жена без косы,
муж без бороденки.
А Ваня
впал в скуку,
пыткой кипятился в собственном соку
И, наконец,
наложил на себя руку:
повесился
на первом суку.
В конце ж моей стихотворной повести

И родители
                                 утопились
   от угрызения совести.
 Лафа от этого
                                 одному попику.
 Слоновье пузо
                                 от даяний окрен,
 Знай выколачивает
                                 из бутылей
   пробки.
 Самогоном требует за выполнение треб.
 А рядом
                                 жили Иван да Марья—
 Грамотен ярые.
 Полюбились
                                 и, не слушая родственной рати,
 Пошли
                                 и записались
   в комиссариате.
 Хотя венчанье
                                 обошлось без ангельских рож—
 А брак
                                 такой,
   что водой не разольешь,
 Куда церковный!
 Любовью,
                                 что цепью друг с другом скованы.
 А родители
                                 только издали любятся ими.
 Наконец, пришли:
                                 «Простите,—
   дураки мы!
 И на носу зарубим,
                                 и в памяти;
 За счастьем
                                 не-зачем к пошам идти».

Если эта агитка и напоминает басни Крылова, то во всяком случае обновленные, освеженные современной поэтической техникой и коммунистической идеологией. Естественно, что агитки Маяковского производят впечатление и на высоко-культурных людей.

Вот, например, что заметил Ленин на Всероссийском съезде металлистов 6-го марта 1922 года, говоря о нашем пристрастии бесконечно заседать:

«Вчера я случайно прочитал в «Известиях» стихотворение Маяковского на политическую тему. Я не принадлежу к поклонникам этого поэтического таланта, хотя вполне признаю свою некомпетентность в этой области, но давно я не испытывал такого удовольствия с точки зрения политической и административной. В своем стихотворении он вдрызг высмеивает заседания и издевается над коммунистами, что они все заседают и перезаседают. Не знаю, как насчет поэзии, а на счет политики ручаюсь, что это совершенно правильно».

Думается однако, что Ленин выразил свое мнение не только о политической стороне агитки, потому что если бы она была плоха поэтически, то Ленин бы ее просто не заметил и конечно никакого бы удовольствия не испытал.

Л. Троцкий замечает о Маяковском: «Многие его образы, обороты, выражения вошли в литературу если не навсегда, то надолго. У него свое построение, свой образ, свой ритм, своя рифма» („Литература и Революция“).

Думается, что все это приложимо и к агитстихам Маяковского, тем более, что некоторые из них уже успели сделаться популярными революционными песнями, как напр.: «Паш марш» и «Левый марш», а некоторые строчки из агит-реклам стали новыми поговорками, как например:

Нам чужих «апогеев» не нужно,
А своих никому не отдадим.

Пинде кроме
Как в Моссельпроме!

или:

Хорошая книга!

А то

с какой стати —

стали б

плохую

издавать в госиздате!

Последние строчки, например, часто приводились в виде поговорки в разных статьях в «Известиях».

Пословицы и крылатые слова Леф'ов делаются образцами, моделями, по которым многие строят агитационные фразы. Особенно было использовано название пьесы у С. Третьякова «Земля дыбом». Оно стало формулой, в которой икеом явилась «земля». С изменением этого икеа получался ряд новых изменений:

«Москва дыбом» (обозрение, поставленное в театре оперетты).

«Севильский Цирюльник дыбом» (в Большом театре).

В статьях и на дискуссиях:

«Церковь дыбом».

«Марксизм дыбом».

«Вода дыбом».

«Юз дыбом» и т. д.

Строчки Маяковского:

Светить —

и никаких гвоздей!

Вот лозунг мой—

и солнца!

были использованы в различных целях, так напр., в газете «Синяя блуза» они приняли следующую форму:

Светить и никаких гвоздей,—

Вот лозунг ваш и наш!

Первая фраза изменялась еще так: летать (плясать, блистать и пр.) и никаких гвоздей!

Заключая свое «вступительное слово», приведу еще ряд общих (принципиальных) соображений об агитационной поэзии, высказанных О. Бриком на страницах «Журналиста»:

«Среди поэтов и «любителей поэзии» существует предубеждение против агит- и реклам- стихов. Им кажется, что стих должен быть из «глубины взволнованной души», что унизительно профанировать «чистую поэзию на агит- и реклам-тенденциях». — Поэты, пишущие по заданиям Главполитпросвета и ВСНХ, презираются.

Глупейшая идеалистика! Каждый поэт пишет по чьим-либо заданиям: и ничуть не почетней писать по заданиям эстетствующих девиц, чем по заданиям наших госорганов. Скорее — наоборот.

Сцепка слов стихом широко использована в быту. Стихом писались законы, изречения, поговорки, поговорки. Стихотворные эпиграфы и цитаты — неотъемлемая часть всяческих лит-работ. Газетный наш пересыпан «подходящими к случаю» стихами. — Немудрено, что стих стал одним из любимых приемов агитации и рекламы.

Стих ударен и хорошо запоминается. Качества для агитации и рекламы незаменимы...

Запомнить стихи легче, чем прозу. Причина — тройная связь слов (по смыслу, по ритму, по звуку).

Формы реклам-стиха многообразны: от кратких двустиший до об'емистых поэм. Удобней короткие стихотворения. Их легче использовать в об'явлениях, проспектах, плакатах, прейс-курантах. Они становятся лозунгами, ударными реклам-формулами.

Реклам-стихи должны быть остроумны и впечатлять неожиданными словосочетаниями. Эти словосочетания могут быть построены на различной игре словами: образами, значениями, синонимами, рифмами и пр.

Приведу примеры—у того же В. В. Маяковского:

Игра образами; например,—папирсы „Червонец“ и червонец (дензнак):

„Папирсы „Червонец“ хороши на вкус.

Крепки, как крепок червонный курс“.

Или:

„Леда“,—табак вкусный и легкий.

Даже бабочка не испортит легких“.

Игра значениями слов:

„Папирсы „Шутка“ не в шутку, а всерьез

Вкусней апельсинов, душистей роз“.

Действие хорошего реклам-стиха огромно. Он навязчив и прилипчив. Его трудно забыть, даже если он надоед. — Но при условии, если он хорош, технически хорош. — Плохие реклам-стихи просто не запоминаются, не останавливают внимания, не рекламируют. Вот почему написать хороший реклам-стих трудней, чем лирическое стихотворение на тему «о розах и грезах». Вот почему многие прославленные лиро-поэты не справляются с самым простым агит- или реклам-заданием“.

Избранные агитки я расположил по отделам: политический, антирелигиозный, производственный и культурно-просветительный.

Мною сделаны примечания к агиткам, а также исправлены особенно досадные типографские ошибки и опечатки, мешающие правильному и сосредоточенному восприятию,—так напр., в двух антирелигиозных агитках Маяковского их набралось свыше пятидесяти!

Агитки политические.

Начнем с «азов»...

Образцы простейших и кратчайших агит-стихов даны Маяковским в его «Советской азбуке».

Эти двуступишия возникли как надписи под его же плакатами в Росте.

Потом были изданы отдельной книгой с рисунками автора (литография).

Хотя некоторые двуступишия уже утратили свою злободневность (азбука писалась в 18—19 г.г.), я думаю интересно прочесть азбуку целиком, во-первых, потому, что ее первое издание—редкость, а во-вторых, для цельности впечатления.

Двуступишия на некоторые буквы привожу с вариантами.

Советская азбука.

Эта азбука написана в виде поговорок и потому основное внимание обращено на удобства, звучность и занимательность речи — Маяковский обладатель сильного баса, и пишет главным образом на свой голос. Так:

Щетина украшает борова.
Щенки Антанты лают здорово.

Экватор мучает испарина.
Эс-эра смой — увидишь барина.

Земля собой шарообразная
За Милюкова — сволочь разная.

Эти двустопные эхово-раскатистые (особенно в конце — дактилические рифмы) рассчитаны на большую аудиторию „небо мой письменный стол“.

Такие же раскатистые окончания очень часты у Маяковского в агитках — напр. в „Дезертире“:

Голова у Рябова —
                                пробкова:
чуть пойдет наш полк
против белых
в бой,
а его и не видно робкого.

Другой прием звуковой занимательности поговорок, — это смешное каламбурное слово-сочетание:

Фазан красив. Ума ни унция.
Фиуме спьяну взял д'Ануцио.

Юлу вертят, когда торги,
Юденич воевал до каторги.

Не только рассматриваемые нами, но и все остальные
двустопные „Азбуки“ просятся в поговорки:

Антисемит Антанте мил
Антанта—сборище громил.

Большевики буржуев ищут
Буржуи мчатся верст за тыщу.

Вильсон важнее прочей птицы
Воткнуть перо бы в ягодцы.

Гольц фондер прет на Ригу. Храбрый!
Гулий, пока не взят за жабы!

Деникин с шайкой лезет к Туле.
Дойдешь до Тулы, черта в стуле!

Деникин взял было Воронеж,
Держи-ка, дядя, а то уронишь!

Европой правит „Лига Наций“.
Есть где воршикам разогнаться!

Железо куй, пока горячее.
Жалеть о прошлом—дело рачье.

Интеллигент не любит риска
И красен в меру, как редиска.

Корове трудно бегать быстро
Керенский был премьер-министром.

Лакеи подают на блюде—
Ллойд-Джордж служил и вышел в люди.

Меньшевики такие люди—
Мамашу могут пронудить.

На смену вам пора бы Носке!
Носки мараются от носки.

Ох, спекулянту хоть повеситься!
Октябрь идет. Не любят месяца.

Поны занялись делом хлебным—
Погромщиков встречать молебном.

Рим город и стоит на Тибре.
Румыны смотрят, что бы стибрить.

Сазонов послан вновь Деникиным.
Сиди послом, пока не выкинем.

Тот свет буржуям отдых сладкий.
Трамваем Б, без пересадки!

У правых лозунг «учредилка».
Ужели жив еще курилка!?

Хотят в Москву пробраться Шкуры.
Хохочут утки, гуси, куры.

Цветы благоухают к почти,
Царь Николай любил их очень.

Чалдон на нас шел силой ратной
Чи не пойдет ли он обратно?!

Шумел Колчак, что пароход.
Шалишь верховный! Задний ход!

Юнцы охочи зря приврать.
Юденич хочет Питер брать.

Японцы, всеу белых учите!
Ярмо Микадо нам не всеучите!

„Рассказ о дезертире“

Текст и рисунки В. В. Маяковского. Госуд. издат. 1921 г.
тираж двести тысяч.

Второе изд.—„Красной Нови“ 1923 г.

Рассказ о дезертире,
устроившемся недурненько,
и о том,
какая участь постигла самого его
и семью шкурника.

Защищая рабоче крестьянскую Русь,
стали фронтами красноармейцы.

Да как в стаде
овца паршивая,
трус
и меж их рядами имеется.

Жил в одном полку
Селиверст Рябой...
...бьется рать горяча
против бареско буржуйного ига,
У Рябова же слово одно—
„для ча
буду я на рожон прыгать?!“
Встал стеною полк—
Фронт раскинул свой,
Селиверст стоит в карауле.
Подымает за пулей пуля вой;
Селиверст испугался пули.
Дома печь и щи,
замечтал Селиверст—
бабья рожа встала
из воздуха!
Да как дернет Рябой!
Чуть не тыщу верст
пробежал без единого роздыха.

Здесь опять длинная раскатистая рифма—сильный
выдох после тысячи верст.

Дальше идет спокойнее, отрывистее:

Прибежал.

Пошел лобызаться с женой,
пообедал.

Залег за печкой.

Задремал.

Заснул.

Захрапел, как Пой,—

никакой не достанешь Ве-Че-Кой!

А на фронте

враг видит: полк с дырой,
враг пролазит щелью этою,

а за ним
золотозадый рой
лезет в дырку—
блестит эполетою.

Лезут
С радости аж не чуют ног,
Где и сколько не занято мест ими!
Пролетария гнут в бараний рог,
сыпят в спину крестьян манифестами!
Улизнувшие бары едут в дом.

Мчит буржуй—
не видали три года никак!
Снова школьника поп обучает крестом—
уважать заставляет угодника.

В то село пришли, где храпел Селиверст.
Смотрят—

выглядит дом аккуратненько.
Тычет в хату Рябова исправничий перст—
посылает занять—урядника.

Снится дурню сон,
что в раю живет,
что галушки глотает тыщами.

Вдруг
как хватит его
крокодил
за живот,
то урядник хватил сапожищами.

Здесь излюбленные словечки Маяковского на „лице“—
и одновременно длинные рифмы.

„Как ты смеешь спать, такой рассякой,
мать твою растак и разэтак!
Я тебя запорю,
я тебя засеку
и повешу тебя напоследок к!“

„Барин!“ взывал Селиверст,
а его
кнутом
хватать померик по
глухой роже:

„Отдавай и себя
и поля,
и дом,
и жену помещику
тоже!“

И пошел прошибать Селиверста пот—
иновъ припомнил барщины муку,
а жена его
на дворе
у господ
грудью кормит барскую суку.

Сей истории прост и ясен сказ:
вы видали, наказаны дурни как?
Чтобы это же не стряслось и у вас,
да не будет меж вами шкурника!

В. Маяновским написаны еще полит-агитки:
«Маяковская галерея». Изд. «Красная Новь»
1923 г.

А также в сборниках его стихов:
«Маяковский издевается», «Маяковский улыба-
ется, смеется, издевается», «Стихи о революции»
и др.

Н. Асеев.

Марш Буденного.

С неба полуденного
Жара — не подступи,
Конная Буденного
Раскинулась в степи.

Не сынки у маменек
В помещичьем доме,
Выросли мы в пламени,
В пороховом дыму.

И не древней славою
Наш выводок богат —
Сами литься лавою
Учились на врага.

Пусть наны не хвастают
Посадкой на скаку —
Смелим рысью частою
Их эскадрон в муку.

Будет белым помниться,
Как травы шелестят,
Когда несется конница
Рабочих и крестьян.

Все, что мелкой пташкою
Вьется на пути,
Перед острой шашкою
В сторону лети!

Не заставляем бой мы,
Но, помня Перекоп,
Всегда храним обоймы
Для белых черепов.

Пусть уздечки звякают
Памятью о нем,—
Так растопчем всякую
Гадину конем.

Никто пути пройденного
Назад не отберет,—
Конная Буденного
Армия вперед!

(Из поэмы Н. Асеева
«Буденный»
изд. «Красная Новь»).

Н. Асеевым написана еще полит-агитка:
„Софрон на фронте“, изд. В. В. Р. С. 1922 г.

Антирелигиозные агитки,

Из книги Маяковского „Обряды“—изд. „Красн. Новь“.

Кому и на кой ляд целовальный обряд.

Верующий крестьянин
или неверующий,
Надо или не надо,
Но всегда
поровит
выполнять обряды.

Вся агитка, а особенно начало ее,—хороший образец разговорной речи в стихах, даже слова совсем „не поэтические“, а растянутые и тяжело—звучащие („неверующий“ с гипердактилическим окончанием и др.)

В церковь упираются
или в красный угол,
Креестятся,
пялят глаза,—
А потом
поровят облизать друг друга,
Или лапу поповскую,
или образа.

Шел
     через деревню
         прыщастый калека,
 Калеке-б этому —
         нужен лекарь.
 А калека фыркает:
         «Поможет бог».
 Остановился у образа, —
         и в образ чмок.
 Присосался к иконе
         долго и сильно.
 И пока
     выпачивал губищи грязные,
 С губищ
     на образ
         вползла бациллина —
 Заразная,
 Посидела малость
 И размножалась.

Опять излюбленные Маяковским увеличительные „слова-вища“: губищи, прыщастый, бациллина, что придает словам более русский и народный характер.

А через минуту,
     гуляя
         ради
 Первопрестольного праздника,
 Вавила Грязнушкин,
         стоеросовый дядя,
 Остановился
     и закрестился у иконы грязненькой.
 Покончив с аллилуями,
 Будто вошь,
 В икону
     Вавила
         вцепился поцелуями

Да так сильно,
Что за фалды не оторвешь.
Минут пять
бациллы
Переползали
с иконы
на губу Вавилы.
Помолился
и полес бациллы Грязнушкин.
Радостный идет,
аж сияют веснушки!
Идет,
из-за хаты
перед Вавилою
Встала Маша—
Вавилина милая.
Ради праздника
не на шутку
Впился Вавила
губами
в Машутку,
Должно-быть с дюжину,
бацилла за бациллою,
Переползали в уста милой.
Вавила
сияет,
аж глазу больно,
В скорости свадьбу рисует разум.
Навстречу кум—
«Облобызаемся
по случаю престольного!»
Облобызались,
и куму
передал
заразу.

Пришел домой,
                                семью скликал.
И всех перелобзал—
                                от мала до велика.
До того разлобызался в этом году,
Что даже
                                пса
                                Полкана
                                лобызнул на ходу!
В общей сложности,
                                ни много ни мало,
Слушайте,
                                на слова веря,—
Человек полтора ста налобызал он
И
                                одного зверя.
А те
                                заразу,
                                в свою очередь,—
Передали—
                                кто мамаше,
  кто сыну,
  кто дочери.
Через день,
                                ночью
                                проснулся Вавила:
Будто
                                губу ему
  колесом придавило!
Глянул в зеркало.
                                Крестная сила!
От уха до уха
                                губу перекосило.

А уже
и мамаша
зеркало ищет.
— Что это, говорит,
как гора
губища?

Один за другим выползает родич.
У родичей
губы
галюши вроде.

Вид у родичей—
Не родичи,
а уродичи.

Каламбур: у родичей — вроде — не родичи — а уродичи.

Полкан,
и тот,
рыча,
Перекатывается
и рвет губу с плеча.

Лизнул кота—
болезнь ту

Передал коту.
Мяукает кот,
пицит и носится,

Из-за губы
не видно переносицы.

К утру взвыло все село,
Полсела
в могилы свело.

Лишь пес
да кот
выжили еле.

И то—
окривели!

Осталось
от деревни
только человек двадцать—
Не верили,
не прикладывались
и не желали лобызаться.
Через год
объяснил
доктор один им—
Что село
переболело
нарывом лошадиным.

Маяковский заканчивает агитку на самых низких
звуках: нарывом—вывод—кобылогубыми.

Крестьяне,
коль вывод не сделаете сами—
Вот он:
У образов не стойте разинями,
Губой
не елозьте грязными образами,
Не христосуйтесь,
и не будьте
кобылогубыми образинами.

**Крестить,
это
только
попам рубли скрести.**

Крестьяне—
бросьте всякие обряды!
Обрядам
только попы рады.

Посудите вот:
Родился человек,
или помер,
Попу доход,
а крестьянину ничего—
неприятности кроме.

Жил да был мужик Василий,
богатый,
но мозгами не в силе.

Родилась у него дочка—
маленькая,
как точка,

Не дочь,
а хвороба,—

Смотри в оба.

Надо бы
ее
немедленно к врачу,—

Да Василий говорит:

«Доктора—
чушь!»

Впрягу Пегова
и к попу лечу,

Поздоровеет моментально—
только окрещу».

Пудами стол
установили в снесь,

К самогону
огурцов присовокупили воз еще.—

Чрезмерный прозаизм—канцелярское слово (присовокупили) и дальше пошли словища: „Дьякон, кудластый, как медведь,—Пришел поп толстый, как паровозиче,“

А гостей собралось ради крестин!!!

Откуда их
                    столько
                            удалось наскрести?!

Гости
                    с попами
                            попили,
                                    попели

И, наконец,
                    собралися вокруг кунели.

Дьякон напился,
                    аж не дополз до колодца,

Воду набрал—
                    из первого болотца,

Вода холодная да грязная—

Так и плавают микробы разные.

Крестный упился,
                    и не то что троекратно—

Раз десять окунал
                    туда и обратно.

От холода
                    у бедной дочки

Ручки и ножки
                    как осиновые листочки.

Чуть было
                    дочке
                            не пришел капут:

Опустили ее
                    в воду
                            вместе с головою,

Да дочка
                    сама
                            внешалась тут,

Чуть не надорвалась в плаче
                                    и в вое.

Тут ее
вынула крестная мать,
Да мимоходом
головкой о двери хватъ.
Известно одному богу,
Как ее не прикончили
или не оторвали ногу.

Беда
не любит одна шлаться,
Так вот
еще,
на беду ей,
(Как раз
такая святая подвернулась в святцах)
Назвали —

«Перенетусей».
После крестин
ударились в обжорку
да в пьянку,

Скулы
друг другу
выворачивали наизнанку.

На общем фоне жаргонно разговорных оборотов: (аж не допоз, как ее не прикончили, обжорка, „пьянка“), иногда вползают, для большего комизма, слово — обломки довоенного времени: троекратно, калут, крестный упилися...

Василий
от сивухи не в своем уме:

Начисто
ухо
оттрыз буме.

После крестин
дочка

Прохворала
полтора годочка.
Доктора отходили еле.
От крестной
божки все-таки
окривели.

Подросла
и нравится жениховским глазам уж,
Да никак Перепетун
не выдать замуж.

Женихи говорят:
„При таком имене—
В жены никак не подходите вы мне“.
Зачахла девица
из-за глупых крестий,

Так
можно
дочку в гроб свести...
А по-моему
Не торопись при рождении младенца,
младенец никуда не денется.

Пойдешь за покупками,
кстати,
Зайди и запиши дитя в комиссариате.
А подрос,

и если Сосипатр не мил,
Или имя Перепегуя тебе не мило,
Зашел в комиссариат
и переменял,
Зашла в комиссариат
и переменяла.

В. Маяковский.

Из книги:

„Ни знахарь,
ни бог,
ни ангелы бога, —
крестьянству не подмога“.

Мы
сбросили с себя
помещичье ярмо,
Мы
белых выбили,
наш враг
полег исколот;
Мы
побеждаем
волжский мор и голод,
Мы
не даем
разрухе
нас топтать ногами;
Мы победили,
но не для того ж,
Чтоб очухаться
под богами,

Чтоб взвилась
                                 вновь,
                                 старья вздымая пыль,
 воронья стая
                                 и сорочья,
 Чтоб снова
                                 загнусавили попы,
 религиями люд мороча.
 Чтоб поп какой-нибудь
                                 или раввин,
 вчера
                                 благословлявший за буржуев драться,
 Сегодня
                                 ручкой, перемазанной в крови,
 за требы требовал:
                                 попам подайте, братцы!
 Чтоб проповедуя
                                 смиренья и посты,
 ногами,
                                 в тишине монашских келий,
 за пояс
                                 закрутивши
                                 рясовы хвосты,
 откалывали
                                 спьяну
                                 трепака
 да поросенка с хреном ели.
 Чтоб в небо закатив свинные глазки,
 Стараясь вышибить Россию из ума,
 Про Еву,
                                 про Адама сказывали сказки,
 на место знаний
                                 разводя туман.
 Товарищ,
                                 подымись!
                                 чего пред богом сник

В свободном
нынешнем —
ученом веке:
Не от попов и знахарей, —
из школ,
из книг
Узнай о мире
и о человеке!

**Прощения на имя бога
в засуху
не подмога.**

Эй, крестьянин!
Эта песня для вас,
Навостри на песню ухо.
В одном селе,
на Волге как раз, —
Была
засуха.
Суть одолела,
не справиться с ней, —
а солнце
сушит
сильней и сильней.
Посохли немного
и решили:
— Попросим бога! —
деревня
крестным ходом заходила,
попы
отмахали все кадила.

А солнце шпарит.
                                 Под ногами
 Уже не земля—
                                 а прямо камень.
 Сидели, сидели, дождика ждя,
 и решили
                                 помолиться
   о ниспослании дождя.
 А солнце
                                 так распалилось в высях,
 что каждый росток
                                 на корню высох.
 А другое село
 по другому
                                 с засухами
   борьбу вело,
 другими мерами:
 агрономами обзавелось
                                 да землемерами.
 Землемер
                                 об'яснил народу,
 откуда
                                 и как
   отвести воду.
 Вел
                                 землемер
   с крестьянами речь—
 как
                                 загородкой
   снега беречь.
 Агроном учил:
                                 — засеивайтесь лаком,
 Который
                                 на дождь
   неособенно лаком,

засушливым годом
                                засеивайтесь корнеплодом
и вырастут
                                такие брюквы—
что не подымете и парой рук вы.
Эй, солнце—
                                ну-ка!
Попробуй,
                                совладай с наукой.
Такое солнце,
                                что дышешь еле,
а поля зазеленели.
Отсюда ясно:
                                молебн
в засуху
                                мало целебен.
Чем в засуху
                                ждать дождя
  по году,
Сам
                                учись
                                устраивать погоду.

Про Феклу,
Анисью,
корову
и бога.

Агитка вместо обычных фраз: грубый, неуклюжий, как корова, начинается, для большого юмора, противоположными словами:

Нежная вещь корова.

Корову

не оставишь без пищи и крова.

Что человек:

Жить норовит меж ласк

и нег.

Заботилась о корове Фекла.

Ходит вокруг да около.

Но корова—

Чахнет раз от разу.

То-ли

дрянь какая поедена и попита,

То-ли

от других переняла заразу,

То-ли промочила в снегу копыта.

Точно барышня! и дальше:

Только тает корова,

Свеча словно.

От хворобы

никакая тварь не застрахована.

Не касается корова

ни жратвы,

ни пойда—

Чихает на все стойло.

Известно бабе—
в таком горе
коровий заступник—

святой Егорий.

Лезет баба на печку,
трет образа, увешанные паутинками,
Поставила Егорию в аршин свечку—
и пошла...

только задом трясет по утиному!
Отбивает поклоны.

Хлоп да хлоп.

Шишек десять набила на лоб.

Умудрилась даже расквасить нос.

Всю руку открестила—

будто в сенокос.

За сутками сутки

Молилась баба,

не отдохнув ни минутки.

На четвертый день
(не помогли корове боги!)
отоцала баба.

Совсем тень.

А корова

Околела, задрал ноги.

А за Фекловой хатой

—Пройдя малость—

жила Акулина

и жизнью наслаждалась.

Акулина дело понимала лихо.

Аж ее прозвали

—«Тетя - большевика».

Молиться—

не дело Акулины:

У Акулины

другая линия.

Чуть у Акулины времени лишки,
садится Акулина за красные книжки.

А в книгах

речь

Про то,

Как корову надо беречь.

Заболеет—

времени не трать даром—

беги скорей за ветеринаром.

—Эти строки должны бы висеть лозунгом в каждой избе!

Глядишь—

На третий

Аль на пятый день—

Корова,

улыбаясь,

выходит за плетень.

Да еще такая молочная—

Хоть ставь под вымя трубы водосточные.

Крестьяне,

Поймите мой стих простенький

да от него

к сердцу

проведите мостики.

Поймите!

Во всякой болезни

доктора

любого Егория полезней.

Поэтому Маяковский заканчивает агитку советом: обращаться, в случае болезни скота, не к богу, а к ветеринару—так верней!..

Производственная агитка Маяковского,

Сказка для шахтера-друга, про шахтерки, чуни и
каменный уголь.

Раз шахтеры
Шахты близь
Распустили нюни.
Мол, шахтерки продрались,
Обносились чуни.
Мимо шахты шел шептун,
Втерся тихим вором.
Нищету увидев ту,
Речь повел к шахтерам:
„Большевистский этот рай
Хуже—дескать—ада;
Нет сапог, а уголь дай;
Бастовать бы надо!
Что за жизнь,—не жизнь, а гроб“...
Вдруг
Забойщик ловкий
Шептуна
С помоста сгреб,
Вниз спустил головкой.
Слово мне позвольте взять:
Брось, шахтер, надежды!
Если будем так стоять,—
Будем без одежды.

Не сошьет сапожки бог,
Не обует ноженьки.
Настоишься без сапог,
Помощь ждя от боженьки.
Чтоб одели голяков,
Фабрик нужен ряд нам.
Дашь для фабрик угольков,—
Будешь жить нарядным.
Эй, шахтер,
Куда ни глянь,
От тепла
До света,
Даже нища от угля—
От угля все это.
Даже с хлебом будет туго,
Если нету угля;
Нету угля—
Нету плуга.
Пальцем вспашешь дуг ли?
Что без угля будешь есть?
Чем еду посолишь?
Чем хлеба и соль привезть
Без угля изволишь?
Вся страна разорена.
Где-ж работать было,
Если силой всей она
Вражки силы била?
Биты белые в боях.
Все за труд!
За пользу!
Эй, рабочий,
Русь твоя!
Возроди и пользуй!
Все добудь своей рукой—
Сапоги,
Рубаху!

Так махни ж, шахтер, рукой—
Бей по углю с маху!—
И призыв горячий мой
Не дослушав даже
Забивать пошли—забой,
Что ни день—то сажень.
Сгреб отгребщик уголь вон,
Взбил крепилицы клетки,
А по штрекам
Коногон,
Гонит вагонетки.
В труд ушедши с головой,
Вагонетки эти
Принимает стволочной,
Нагружает клетки.
Вырвав тыщей дружных сил
Из подземных сводов,
Мчали уголь по Руси,
Черный хлеб заводов.
Встал от сна России труп—
Ожила громада,
Дым дымит с фабричных труб,
Все творим, что надо.
Сапоги для всех, кто бос,
Куртки всем, кто голы,
Развозил **электровоз**
Чрез леса и доли.
И шахтер одет,
Обут,
Носом в табачишке.
А еды!—
Бери хоть пуд—
Всякой снеси лишки.
Жизнь привольна и легка.
Светит уголь,
Греется.

Все у нас,
До молока
Птичьего
Имеется.
Я, конечно, сказку сплел,
Но скажу для друга:
Будет вправду это все,
Если будет уголь!

В. Маяковский.

(Журнал „Бов“ 1921 г. № 1).

Из производственных агиток еще можно указать:

Н. Асеев и В. Маяковский. „Пора нам перестать верить
заграничным баранам“. Изд.
треста Моссеукно 1924 г.

Н. Асеев и В. Маяковский. „Одна голова всегда бедна,
а потому бедна, что живет
одна“. Кооперативн. издатель-
ство. М. 1924 г.

Культурно-просветительные агитки.

Из книги Маяковского „Вон самогон“. Издание
„Красная Новь“.

Вон самогон.

Эй, иди!
                    подходи, крестьянский мир!
Навостри все уши
                    и слушай.
Заливайся песня!
                    пой и греми!
Залетай в крестьянские уши!
Кто не хочет из вас
                    в грязи,
                    под плетнем,
Жизнь окончить смертью сучьей—
Прочитай про это,
                    послушай о нем,
вникни в этот серьезный случай!

Село Малые Тишки.

Недалеко от нас,
                                то-ль на некоей горе,
То ли просто
                                на маленькой вышке,
Поминается
                                на реке на Туре
Деревушка—
                                Малые Тишки.
Деревушкой ее называют зря:
Хоть домов полсотни менее.
Но на каждом из них
                                крыша—точно заря.
Каждый двор—
                                не двор, а имение.
Лет пяток назад жил во всех домах
Генерал
                                помещик Дядин,
А мужик глядел да шапченку ломал,
да слюну облизывал, глядя.
В октябре
                                с генерала спустили жир—
Подавай, мол, обратно наше.
Дериул дядик в Париж,
                                а мужик зажил,
Жил и жил себе полной чашей.
Новый школьный дом украшает дуг
(не к лицу коммуне дурак-то).
Электрический ходит в поле плуг,
Громыкает электротрактор.

Каждый весел и сыт,
                                обут и здоров,
У детишек
                        не щеки, а пышки—
Так
                        распеснив песни из всех дворов
Проживали Малые Тишки.

(Но у счастливой деревни был один враг, в лице «соломенной вдовы» — Степаниды Водкиной, супруги бывшего станового, сбежавшего в страхе от новой деревни. Муж Степаниды, неизвестно где скрывавшийся, однажды прислал ей письмо с указанием, как подорвать власть Советов.

На следующую ночь Степанида Саврасовна получила

«пару длинных труб,
                100 бутылей, скрытых корзиною,
Протасили какой то тяжелый куб
Да еще
                кишки резиновые».

II

«через семь ночей,
                                через дней через семь
Вышла
                днем
                Степанида
                                другая совсем.

По губам,
                как игривая рыбка,
то и дело ныряла улыбка».

Приготовивши самогон, хитрая Степанида прикинула добрячкой:

«Мне не надо рублей—
                        подходи и пей!

Угощаю всех
даром»!

И вот мужики
«лизжут все даровое зелье».

Но когда пошли опохмелиться—Степанида уже потребовала за самогон деньги, а на другой день—снова опохмеляться, снова плати,—так и пошло!

«Самогонный потоп
заливает—льет,
Льет потоп
и не хочет кончиться!

Вымирает народ,
нищает и мрет,

Лишь жиреет во-всю самогонщица.
Переехала Водкина в школьный дом.
«Леча зря, мол, учиться в школах»,
А учителя в хлев,
«Проживет и в нем».

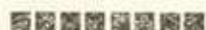
Рос в селе за олухом олух,
Половину домов
перекрал пожар,
На другой
поразлезлись крыши.
В поле
тракторы
перекрала ржа.

Нарисовав картину великого разорения, Маяковский заканчивает агитку так:

Чтоб республика наша
не кончила дни,
самогонную выпив отраву,

Самогонщиков банду
из сел
гоняй!
Выгоняй—самогонщиц ораву.
Выгоняй, кто поит,
выгоняй, кто пьет!
Это—гниль.
Нужна кому она?!

Только тот, кто здоров,
крестьянству оплот:
Лишь от них расцветет коммуна.

Маяковский, Третьяков.

Рассказ про то, как узнал Фадей закон, защищающий рабочих людей.

(Кодекс законов о труде*).

Изд. „Труд и Книга“ 1924 г.

Пришел и грянул октябрьский гром.
Рвал,
воротил,
раскалывал в щепки.
И встал
над бывшим
буржуйским добром—
новый хозяин—
рабочий в кепке.
Явился новый хозяин земли.
Взялся за руль рукой охочей.
— Полным ходом!
Вперед шевели!

---

*) Печатается в отрывках.

Имя ему —

советский рабочий.

Где хозяйская спесь?

Приемирел как зайчик,
под рукой рабочих — волк-хозяйчик.

Ни шагнуть ему,

ни орнуть,

ни икнуть.

Настал для хозяйчиков

страшный годик, —

Свистнул хозяев,

и над ними,

как кнут,

навис трудовых законов кодекс.

В этом кодексе

крепкий наказ:

растить

и беречь рабочий класс.

О рабочем труде

должен радеть —

(ст. 1)

кодексе законов о труде.

Этот закон

не об'едешь с тылу,

пока рабочая власть жива.

Будем хранить рабочую силу,

будем

беречь

рабочьи права.

. . . Запылал Фадей,

как червонный туз,

записался на биржу

и в профсоюз.

Входит Фадей на заводский двор,

идет

заключать

трудовой договор.

(ст. 27)

Фадей плечами подпер косяк.
Хозяин жметесь, и так и сяк.
Хозяйские глазки в стороны лезут,
чтоб такое с Фадей урезать?

Смеется Фадей —
не те времена!

Брось хозяин мозги уминать,
верги не верти,
крутись, как хочешь,
а через кодекс не перескочешь. (ст. 28)

Как ни в'едлив хозяйский нрав,
не ужмет
хозяин
рабочих прав.

Говорит хозяин,
— прямо противно:
договор трудовой,
да договор коллективный. . .

Фадей смеется, сощуря глаз,
— буржуям противно,
а вам как раз!

Нынче
с рабочих
не вымотать лишки—
записано все в расчетной книжке, (ст. 29)
не отменишь условий,
хоть плачь да вой,
расчетная книжка —
свидетель живой.

— Ну, Фадей,
теперь на завод!
Пров лукаво Фадея зовет.
Вошел Фадей, (ст. 138)
растопырил глазища —
куда девалась бывлая грязища?
Вонь, да пыль, да копоть где?
Все подмел
закон о труде.
Клохчут машины, будто насадки,
для безопасности
скованы в сетки.
Тут и нарочно
рукой
в привод
даже разиня не попадет.
Раньше завод —
не завод, а геенна.
Теперь
по геенне
прошла гигиена.
Прежде машины кропились кровью,
теперь —
берегут трудовое здоровье.

Крепки устои рабочих прав,
хозяйская жадность —
раздавлена в пласт.
Прежде,
знай, налетал на штраф,
теперь не штрафнут.
закон не даст. (ст. 43)

Раньше выгнать,
что снять картуз
Лицом не потрафил —
готов расчет.
А теперь,
пообетруган хозяйский вкус.
Попробуй погнать,
попадешь на сучек.
Теперь увольнять
много круче

и только

в следующих случаях: (ст. 47)
Во-первых,
если закроют завод,
или на месяц работа замрет,
или,
если к труду не годны, —
в этих случаях —
требуй выходных.

А если
работник
не нужен в деле,
предупредят его
за две недели. (ст. 88 — 89)
И пусть хозяин
орет и бесится,
а должен заплатить
за полмесяца.

Конечно, гонят тех,
кто, зря,
вместо работы
копает в ноздрах.

Да и то не уволят их,

пока
не обсудит дело—
Р. К. К.

Но если

за дело под суд понал,
или, скажем,
дня на три без спросу пронал,
или в месяц день шесть прогулял гуртом,
тогда
посидишь с голодным ртом.

Раньше

об отпуске—
год говори!

Особенно,

если хозяин скуп.

Хоть год работай,

хоть два,
хоть три,

а не бывать тебе в отпуску.
Бросили воду в ступе толочь.
В кодексе сказано—

молвит Пров—

пять с половиной месяцев прочь
и двухнедельный отпуск готов. (ст. 114).

А если

работа на вредном деле,
еще добавляются две недели. (ст. 115).

Раньше

пройти цеховую науку —
парень терпел многолетнюю муку.
Где раньше
мальчонку маял мастер,

Проклятой учебкою злѣч и колюч,
теперь

рабочей стране на счастье
вырос советскій фабзавуч.

(ст. 121).

Собирает он

в уютныя стѣны
молодыхъ гвардейцевъ для будущей смены.
А у хозяина

морда моржа —
по закону ему фабзавуч содержать.

* *

Тяжелой работой сводили в могилу
особенно

женщин или ребят.

Теперь

берегут рабочую силу,
законы хозяевъ весьма беребятъ.
Старый порядок — прошел бесследно.
В работѣ ночной,

подземной

и вредной

закономъ

наложенъ строжайшій запретъ

На баб и ребят до восемнадцати лѣтъ. (ст. 129).

* *

Баба на сносяхъ

хозяину что?

А под машиной рожать

не годится.

Кодексе сказалъ хозяину

— стоп!

Бабе
    спокойно дай разродиться.
Четырехмесячный отпуск готовь,
по восемь недель
    до и после родов.   (ст. 132).

Лишь чистотой рабочий здоров,—
Гордо
    Фадею
        заметил Пров.
Кодекс
    и здесь стоит на посту
и по заводу блюдет чистоту.   (ст. 138—139).
Раньше
    работа ли,
        нет ли работ,—
полным ходом бежит привод.
Теперь
    в перерыве
        не случится беда,
нынче,
    в обед, молчат привода.   (ст. 140).

—Ишь ты,
    —на это ответил Фадей—
кодекс твой
    ей, ей, чудодей.

Спасибо тебе,
и будь здоров.
Все объяснил товарищ Пров.
Самому бы мне
нигде,
никогда
не узнать про эти законы труда.
Молвит Пров,—
погоди, парнишка.
Порылся за пазухой, вынул книжку.
Вот он.
Весь.
Совсем не длинен.
От корки до корки
— час прочесть.
А при нем закон
и надпись:
Калинин.
Фадей улыбаясь ответил:
есть!

С тех пор
у всех Фадеев водятся
эти книжки рабочего кодекса.
Силком не вырвешь,
разве пальцы отвалятся.
Такого кодекса
нет нигде.
Живут Фаден
и не нахвалятся
на советский кодекс
законов о труде.

Поэтами и художниками **Леф'а** сделано еще огромное количество агиток и плакатов на темы: политические, культурно-просветительные, производственные и др.

Помещены они в отдельных изданиях, частью в собран. сочинений **Леф'ов**, частью в журнале **Леф** №№ 1—6.

Большинство вывесок и плакатов Гиз'а, Моссельпрома, Резинотреста и др., которые „перекрасили“ Москву, принадлежат **Леф'ам**—поэтам и художникам-конструктивистам (Родченко, Степанова, Лавинский и др.).

„Агитационное и производственное искусство“ **Леф'а** быстро растет и крепнет!..

А. Крученых.

Москва, октябрь.

1924 г.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Союза Поэтов

(Тверской бульвар, 25, „Дом Герцена“).

---

1. Сопо. № 1.—Сборник Всероссийского Союза Поэтов. М. 1921 г.

2. Сопо. № 2.—Сборник Всероссийского Союза Поэтов. М. 1922 г.

3. М. Ройзман.—„Хевронское вино“. Стихи. Москва 1923 г.

4. Н. Церукавский.—„Соль земли“, с предисловием П. А. Аксенова. М. 1924 г.

5. Н. Берендгоф.—„Доктор Ночь“. Стихи. М. 1924 г.

6. Антология.—„Поэты наших дней“. Москва—ЛНГ. 1924 г.

7. Д. Кузнецов.—„Медальон“. Стихи. С предисловием И. С. Рукавишников. М. 1924 г.

8. Г. Ширман.—„Машина тишины“. Стихи. М. 1924 г.

Готовится к изданию:

9. Г. Ширман.—„Песнь о Хаосе“.

Книги А. Крученых.

1922—23 г.

„Голодняк“.—„Зудесник“.

„Заумники“—сборник Крученых, Хлебников, Петников, Родченко.

„Фактура слова“.

„Сдвигология русского стиха“.

„Апокалипсис в русской литературе“.

„Фонетика театра“ с предисловием Б. Кушнера.

„Собственные рассказы детей“. Собрал А. Крученых.

1924 г.

„500 новых острот и каламбуров Пушкина“. Собрал А. Крученых.

„Леф-агитки Маяковского Асеева Третьякова“. Собрал и снабдил примеч. А. Крученых.

Г о т о в я т с я:

„Заумный язык у: Сейфуллиной, Вс. Иванова, Леонова Бабеля, Ар. Веселого“.

„Лель анальный и Яра уринальная“. Исследование.

„Разбойник Ванька-Каин и Сонька маникюрщица“. Уголовный роман, с рис. М. Синяковой.

О Г Л А В.

	<i>Стр.</i>
Вступление.	3
Из „Обрядов“	5
Советская азбука	14
Рассказ о дезертире	18
Марш Буденного	23
Антирелигиозн. агитки Маяковского	25
Из книги Маяковского „Ни знахарь, ни бог“	35
Производственная агитка	43
Культурно-просвет. агитки:	
Из книги „Вон самогон“	47
„ „ „Кодекс Законов о Труде“	52

ONK-67574

89777